

Так, настоятельно требуя от наследника престола серьезных знаний, «любви» и «охоты» к воинскому делу, которые необходимы ему как будущему правителю не для того, «чтобы охочь был воевать без законных причины», а для организации надежной обороны от врагов, автор не ограничивается лишь самой формулировкой этого положения, но развертывает целую систему аргументации, проверяя и обосновывая его истинность материалами истории и самой жизни. Личный опыт ведения войны со Швецией давал ему право сказать, что, только создав мощную армию и при крайнем напряжении всех сил, Россия сумела разгромить опасного врага и тем «от тьмы к свету вышла», от бессилия — к силе, от безвестности — к славе. А далее он приводит исторический факт противоположного характера — гибель Византийской империи, который осмысливается как прямое следствие пренебрежения верховной власти вопросами обороны. «Не хочу многих примеров писать, но точию равных нам греков. Не от сего ли пропали, что оружие оставили? — риторически вопрошал царь. — И желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в нескончаемую работу тиранам отдал».²⁰

Но этими доводами автор не ограничивается. Он продолжает расширять и углублять свою аргументацию, прибегая при этом к самым разнообразным способам и приемам.

Зная склад мышления, уклончивый и непокорный нрав своего сына, его скрытое, но упорное несогласие с отцом, царь, как бы предупреждая и опережая его возможный ответ, сам воссоздает предполагаемые возражения, указывает на возможные пути оправданий и уверток сына и последовательно разбивает и отменяет их как ложные и вредные. В связи с этим меняется и форма изложения, характер интонаций. Монологическая речь и относительно сдержанный тон упреков и наставлений сменяются взволнованным спором: возникает своеобразный диалог, диспут между автором письма и его адресатом; авторская речь членится, перебивается предполагаемыми репликами, возражениями, контрдоводами другой стороны. Эти возражения и контрдоводы получают форму предположений, вопросов, которые от лица своего оппонента и за него формулирует сам автор, обращая их одновременно и к самому себе и к адресату: «Аще кладешь в уме своем, что могут то (воинские дела, — М. Н.) генералы по повелению управлять? Но сие воистину не есть резон»; «...слабостию ли здоровья отовариваешься, что воинских трудов понести не можешь? Но и сие не резон»; «Думаешь ли, что многие не ходят на войну, а дела

²⁰ Ср. в речи Петра, написанной и произнесенной им 22 октября 1721 г. по случаю заключения мира со Швецией: «Надлежит бога всею крепостию благодарит, однакож, надея на мир, не надлежит ослабеват в воинском деле, дабы с нами не так сталас, как с монархией греческою» (Цит. по кн.: Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, стр. 156).